

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ЮГЕ РОССИИ

УДК 316

DOI 10.18522/2227-8656.2020.4.11

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВНУТРЕННЕЙ МИ- ГРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

ETHNOPOLITICAL FACTORS OF INTERNAL MIGRATION IN THE REPUBLIC OF CRIMEA

Мамина Дарья Александровна

Младший научный сотрудник,
Южно-Российский филиал
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: dasha.mamina.96@mail.ru

Darya A. Mamina

Junior Researcher,
South Russian Branch of the Federal Center of
Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: dasha.mamina.96@mail.ru

Мищенко Дмитрий Николаевич

Соискатель,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: svet_crimea@list.ru

Dmitry N. Mishchenko

Applicant,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: svet_crimea@list.ru

В последнее время процессы внутренней миграции имеют особое значение для развития и функционирования Крымского полуострова. Начиная с 2014 г. Крым все более активно привлекает мигрантов из других регионов России. При рассмотрении этнополитической ситуации в Крыму и этнической миграции может сложиться впечатле-

Recently, internal migration processes have been of particular importance for the development and functioning of the Crimean Peninsula. Since 2014, Crimea has been increasingly attracting migrants from other regions of Russia. When considering the ethno-political situation in Crimea and ethnic migration, it may seem that modern migrations on the Crimean

ние, что современные миграции на Крымском полуострове значительно не влияют на этнический состав населения. Однако актуализируется фактор этничности в деструктивном смысле, могут возникнуть опасения по поводу изменения национального состава как осознанной политики по переселению русских на полуостров со стороны части крымско-татарского населения, находящейся под влиянием межджиса, и не в меньшей степени риски этносоциальной дискриминации, ущемления прав личности по этническому статусу.

Ключевые слова: внутренняя миграция; миграционные процессы; этничность; этнополитический фактор миграции.

Peninsula do not significantly affect the ethnic composition of the population. However, the factor of ethnicity in a destructive sense is being updated, and there may be concerns about changes in the national composition, as a deliberate policy of resettling Russians to the Peninsula by a part of the Crimean Tatar population under the influence of the Mejlis, and, to no lesser extent, the risks of ethnic and social discrimination, infringement of individual rights by ethnic status.

Keywords: internal migration; migration processes; ethnicity; ethno-political factor of migration.

Введение

Республика Крым вошла в состав Российской Федерации в результате референдума 2014 г. По истечении времени после возвращения Крыма в состав России можно подвести определенные итоги в различных сферах общественной жизни. Актуальный научный интерес вызывают миграционные процессы в Крыму, что вызвано, во-первых, тем, что Крым по культурно-историческим и социально-политическим причинам издавна является регионом этнического разнообразия. Не претендуя на подробный и самостоятельный анализ этнополитической карты Крыма, тема статьи связана с выявлением этнополитических факторов внутренней миграции в Крыму. Сознательное сужение миграционного дискурса связано с тем, что за период реинтеграции этнический состав населения Крыма изменился в той степени, что дает основание считать, что внутренняя миграция вносит весомый вклад в политическую ситуацию в регионе.

До вхождения в состав России этнополитическая ситуация в Крыму проецировала незавершенность национально-государственной политики в отношении региона, так как возникали постоянные споры по поводу статуса Крыма и тенденции интеграции регионов в целостное пространство. Российская политика в отношении Крыма отражала палитру причин и последствий, затрагивающих международный и внутривнутриполитический аспекты миграционного процесса. В дискурсе миграции преобладали властный дискурс и дискурс массмедиа (Мукомель, 2011). Фактически крымский вопрос являлся темой российской политики, но установки властей являли противоречивое единство признания российского характера Крыма и одновременно продолжение политики поддержки территориальной целостности Украины,

согласно ранее подписанному российско-украинскому договору 2003 г., в котором содержалось положение о нерушимости государственной границы, но вместе с тем открытым оставался вопрос о развитии дружественных добрососедских отношений как имплементация положений договора (Договор между Российской Федерацией ... , 2003).

Отстаивание интересов русского и русскоязычного населения выразилось в осторожной и часто непоследовательной линии на защиту русского языка, русской культуры, что определялось логикой баланса интересов всех народов Крыма. В 2014 г., когда в Украине возникла ситуация политического противостояния, в которой проблема Крыма приняла острый характер, можно сколько угодно рассуждать об альтернативах совершенного российским руководством шага по поддержке результатов референдума, но ясно, что при политических издержках принятого решения на международной арене, в Крыму установился гражданский мир и началась работа по реконструкции социальной инфраструктуры и налаживанию диалога между народами Крыма.

В нынешней этнополитической ситуации вопросы внутренней миграции для Крыма имеют не только внутрорегиональное и межрегиональное значение, но и последствия для развития полуострова. Этничность как показатель перевода культурно-языковых и конфессиональных различий на язык политики не абсолютизируется, но вместе с тем следует признать, что, несмотря на достигнутые успехи по налаживанию мира и согласия в Крыму, сохраняются и воспроизводятся зоны этнополитической напряженности, что вполне объяснимо нерешенностью этнополитических проблем как недавнего прошлого, так и новых, возникших в рамках интеграции Крыма с другими российскими регионами.

Но по актуальному опыту внутренней миграции, миграционного потока из регионов России и встречного – переезда крымчан в другие российские регионы – затрагивается совокупность этнополитических факторов стабилизации, дестабилизации, изменений, определяющих конфигурацию социально-политического порядка в Крыму. Вопросы внутренней миграции в крымском регионе нуждаются в концептуальном осмыслении, что связано с планированием долгосрочной миграционной политики, актуальной не только для Крыма, но и для России в целом.

Критический анализ литературы

Миграция – чрезвычайно актуальная тема, отечественные и зарубежные исследователи на протяжении многих лет занимаются изучением миграционных процессов и миграции.

Трудовая миграция как социально-политическое явление стала предметом исследования для таких исследователей, как В. Мукомель, Г. Витковская, Ж. Зайончковская, В. Рошин, А. Вишневецкая, Л. Рыбаковский и др.

Различные аспекты миграционных процессов на Юге России изучали Г.С. Денисова, А.В. Бедрик, Е.А. Назарова, А.В. Аверьянов, Я.В. Ракачева и др.

Исследованию внутренней миграции в России посвящены труды Г.А. Батищевой (Батищева, 2009), О.А. Пряжниковой, Г.К. Сафаралиева (Сафаралиев, 2014), Л.Б. Каракулиной, Н.В. Мкртчяна (Каракулина, 2017) и др. В результате им удалось установить, что уровень внутренней миграции в России увеличивается с 2011 г., наиболее привлекательным для миграции является Центральный федеральный округ, также стоит отметить, что после распада СССР вектор внутренней миграции существенно сместился на запад и юг. Этнические миграции и адаптацию этнических мигрантов рассматривали М.С. Савоскул (Савоскул, 2012), В.Н. Петров (Петров, 2009). Отмечается, что этнический фактор и этничность в миграционных процессах в России приняли наибольшее значение в 1990-е гг., именно тогда началась волна этнических миграций.

Миграционные потоки в Республике Крым исследовали А.А. Максимова, В.С. Фогель, Ю.В. Плакса, О.Ю. Асеева (Асеева, 2014). Анализ миграционных процессов в Республике Крым показывает, что число прибывших превышает число убывших, а также миграционный процесс играет значимую роль в социально-экономическом и политическом развитии республики. Роль миграции в формировании населения Крыма рассматривали С.И. Абылкаликов, П.Е. Сушко (Абылкаликов, 2017). Для Крыма характерен миграционный обмен с соседними регионами Украины и России, а также их столицами. Насильственные депортации в годы ВОВ вызвали последующее возвращение на полуостров репрессированных и их потомков.

Американский социолог Э.С. Ли внес значительный вклад в развитие теории миграции (Lee, 1966). К. Бреттелл и Дж. Холлифилд в своей книге «Миграционная теория» рассматривали подходы различных дисциплин к изучению миграции (Migration Theory ... , 2000).

Методология исследования

Как справедливо отмечают авторы исследования «Столицы и регионы современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя», миграция внутри страны – мощный механизм, способный как формировать единое социальное пространство и единую нацию, так и создавать дополнительную социальную напряженность (Столицы и регионы ... ,

2018. С. 114). Соглашаясь с данным суждением, очевидной становится методология в рамках макросоциологической перспективы (Курбатов, 2014. С. 9). Исходя из интерпретации этнополитических факторов как работающих в институциональном пространстве, для исследования актуальным является применение аналитических процедур, определяемых структурно-организационными и институциональными показателями.

Речь идет о том, что внутренняя миграция не является простым перемещением людей, связанным с экономической целесообразностью. Миграционный процесс может иметь как конструктивные, так и деструктивные последствия. Конструктивное (позитивное) выражается в росте социально-демографического потенциала региона, инвестиционной привлекательности по критерию человеческого капитала, расширении социального и культурно-символического пространства, формировании культуры взаимопонимания. Деструктивным выступает фактором межличностной и общественной напряженности, попытки реализовать язык «недоверия и вражды» по отношению к «приезжим», дезинтегрировать социальные локальности (сообщества).

Накопленные российскими исследователями обобщения и оценки в контексте анализа внутренней миграции содержат и определенные устойчивые представления, и пустоты, которые нередко заполняются социальными мифами или конъюнктурными суждениями. К внутренней миграции исследователи применяют термин «неэтническая» (Курбатов, 2014. С. 115), исходя из того, что существуют различия по сравнению с внешней миграцией, где актуальными являются вопросы межэтнической напряженности, девиантного поведения, расхождения в культурно-символических кодах и поведенческих практиках, тем более что в период «социальной анархии» в России – в 1990-е гг. – миграционный дискурс смещался в сторону дискуссии о ксенофобии, этнической преступности и националистических предрассудках.

С точки зрения российской социологической традиции миграция рассматривается как процесс, генерируемый социально-структурными и социально-демографическими диспропорциями. Однако доминирующей тенденцией можно считать исследование не институциональных механизмов, а динамики социальных настроений, перевода социальных различий в культурные, общей аргументации в пользу гражданского активизма от прямой и косвенной дискриминаций (Расизм, ксенофобия, дискриминация ... , 2013. С. 158). Сформировался «конфликтный» дискурс, что объяснимо, с одной стороны, привнесением политических коннотаций, с другой – переводом социальной конфликтности в этнополитическую сферу. Данная позиция разделялась рядом российских исследова-

телей, принадлежащих к социологическому конструктивизму. Согласно конструктивистской позиции, разделяемой В.А. Тишковым, В.С. Малаховым, Е.В. Шляхтиной, миграция актуализирует этнические факторы, определяемые как культурализация общественных отношений.

Внутренняя миграция определялась и определяется перекосом, или, как выражается В.И. Мукомель, выпячиванием этнической компоненты внешней миграции, и на второй план отходит то, что можно определить как этнополитические факторы внутренней миграции (Мукомель, 2011. С. 87), включающие процедуры функционального анализа. Внутренняя миграция до сих пор исследуется с позиции отклонения напряженности, в контексте социально-территориальной мобильности, оценки социально-экономических последствий, связанных с показателями оттока молодежи и специалистов или адаптации приезжих.

Теоретический фон связан с доминированием функциональных и институциональных процедур, с вопросами разработки социально-экономических и административно-правовых мер, направленных на закрепление или стимулирование притока социально и экономически активного населения в регионе. Этничность интерпретируется как побочный фактор, что имеет под собой правовое обоснование, так как не является существенным в рамках универсальных норм российского гражданства. Между тем в конце 90-х – начале 2000-х гг. становится очевидным, что миграционные потоки из регионов в столицы, из этнотерриториальных образований в «русские регионы» имеют реальные этнополитические последствия. Как показали исследования национальной политики в России, проведенные ростовскими учеными, этнополитические отношения включают общественный и межличностный дискурсы, определяются моделями национальной интеграции и ценностной политики, изменяют старую схему территориализации этничности (Национальная политика в России ... , 2016).

Таким образом, требуется осмысление экстерриториальности этничности во внутренней миграции, воспроизводства этнокультурной идентичности, возможности формирования этнополитических групп, измерения последствий влияния фактора этничности как интегративного, на перспективы консолидации в регионах, укрепления тенденций формирования гражданской нации. Поэтому обоснованным можно считать анализ структурных (организационных) детерминант, классифицируемых как объективные этнические факторы, и субъектных характеристик действия (Климов, 2001. С. 329). В рамках выбранной методологии исследования ожидается получение социального знания, определяющего факторы этничности в качестве константы внутренней миграции. Так как

наблюдаемые в Крыму процессы внутренней миграции характеризуются этнополитическими сдвигами, связаны с изменениями в сложившейся институциональной системе региона, с включением этнических групп как институциональных акторов, влияющих на формирование и перспективы этнополитических отношений.

Таким образом, актуальным становится изучение фактора этничности в двух измерениях: структурном и институциональном и субъектно-деятельностном, включающем этнополитический дискурс, мобилизационный потенциал.

Результаты

Исходя из того, что этничность как общая характеристика описывает историко-генетическую принадлежность народов к определенной культуре, включающей обычаи, традиции, религию, язык, закрепленной в качестве фактора в социальных и социально-политических отношениях, в исследовании мы ориентировались на эмпирическую верификацию операциональной схемы этничности, включающей интегративную характеристику институтов этнического представительства и этноориентированных установок институциональных акторов (национально-культурные автономии).

Крымский регион, повторимся, исторически сложился как регион с культурно-этническим разнообразием, что влияло и влияет на социально-политическую панораму. Согласно данным о национальном составе населения Крыма, на основе переписи 2014 г., проведенной после референдума о воссоединении, доминирующую позицию занимают русские (65,2 %), украинцы (16,0 %) и крымские татары (12,6 %) (Этническая и этнополитическая карта Крыма, 2017. С. 15), что не предполагает суждения о моноэтничности региона, но и не формирует схемы сплошной этнической гетерогенности (неоднородности). За истекший период (пять лет нахождения Крыма в составе РФ) положительное сальдо внутренней миграции составило 56,8 тыс. (Как изменилась численность ... , 2019). Может сложиться впечатление, что внутренняя миграция не изменяет значимым образом национальный состав Крыма. Однако актуализируется фактор этничности в деструктивном смысле, как разделение на коренных и приезжих, опасения по поводу изменения национального состава как осознанной политики по переселению русских на полуостров со стороны части крымско-татарского населения, находящейся под влиянием меджлиса, и не в меньшей степени риски этносоциальной дискриминации, ущемления прав личности по этническому статусу.

С другой стороны, ясно, что Стратегия национальной политики РФ в Крыму требует внесения корректив, связанных с этнической спецификой региона. Внутренняя миграция включается в реализуемую стратегию в бинарном контексте: как принятие комплекса мер по формированию и укреплению российской государственно-гражданской идентичности и развитие этнокультурного разнообразия народов Крыма. Приток населения из других регионов России, особенно из столичных (Москва, Санкт-Петербург), расширяет социальные и культурные горизонты коренного населения. Следует отметить, что нуждается в самостоятельном исследовании развитие региональной идентичности, которая была актуализирована в Крыму в период нахождения в Украине, но имела «плавающее» значение в условиях сопротивления украинизации Крыма, когда мобилизующее воздействие относится к советской идентичности, построенной на социально-политической ностальгии и обладавшей силой по сравнению с региональной и этнической идентичностью.

В нынешней ситуации в рамках Стратегии национальной политики акцент переносится на российскую идентичность, и здесь важно остерегаться крена в пользу этнокультурного развития народов Крыма, что вносит некоторую неясность и путаницу в разработку общих целей организаций, включенных в сферу межэтнических (национальных) отношений. Поэтому в контексте исследования важное место занимает анализ количественного и качественного состава организаций, претендующих на этнокультурное представительство. Согласно сложившейся практике, в настоящий период зарегистрировано 39 культурно-национальных автономий (Этническая и этнополитическая карта Крыма, 2017. С. 46), что является важным шагом в институционализации этнообщин, введении в общественно-политический дискурс, налаживании механизмов взаимодействия с властными институтами и другими этническими группами. Какое место в данном процессе занимает внутренняя миграция? Учитывая, что переселенцы обладают профессиональным и культурно-образовательным капиталом, можно ожидать позитивных подвижек в развитии национально-культурных автономий в сторону реализации акций согласия и мира, перехода от «юбилейных» мероприятий к постоянной регулярной работе властных и общественных институтов. Опыт организации «Крым» позволяет говорить о целесообразности политики по концентрации ресурсов национально-культурных автономий, которые по опыту создания организаций зонтичного типа в России имеют перспективу вхождения в общероссийские движения и партии.

Таким образом, внутренняя миграция размывает этноизоляционизм, и хотя национально-культурные автономии не могут характеризо-

ваться по количественным показателям как массовые, имеющие возможности этнической мобилизации, качественно в контексте функционирования реализуется этнокультурное развитие. Внутренняя миграция также влияет на фактор этничности в том, что для представителей малых этнических групп расширяется коридор возможностей через общественные организации широкого типа, отпадает необходимость в аффирмативном праве, претензиях на поддержку этнокультурной исключительности.

Внутренние мигранты способствуют формированию чувства причастности к большой стране, и, как показывает организационная динамика, в перспективе возможны формирование и поддержка организаций типа Форум народов Крыма, что соответствует основной цели Стратегии национальной политики – развитию российского многонационального народа как субъекта Российского государства. Одна из существенных проблем, возникающих в рамках внутренней миграции, – создание структур адаптации мигрантов в региональную среду, имеются в виду включение мигрантов в процесс межкультурного, межэтнического взаимодействия, рост этнической компетентности, связанной со знанием основных этнополитических, этнокультурных тенденций, способности дать гражданскую оценку этническим проблемам, которые могут проявляться в открытом виде или потенциально через различные формы (образовательные, просветительские, профессиональные) гражданского воспитания.

Можно говорить о том, что внутренняя миграция меняет конфигурацию объективных факторов этничности в пользу перехода от национально-культурных автономий к организациям зонтичного типа, целью которых является включение дискурса этнического разнообразия в контур солидарных практик населения Крыма. Однако анализ страдает односторонностью выводов, содержит неизбежную идеализацию этнополитической ситуации, если не включает субъектно-деятельностное измерение, установки, цели, оценки, связанные с когнитивным, социально-ориентационным, культурно-символическим аспектами этнополитических отношений.

Этнополитический дискурс, сложившийся в крымском регионе после воссоединения с Россией, характеризуется противоречиво: с одной стороны, вырабатывается язык межэтнической интеграции, включающий установки на конструктивное взаимодействие, поиск согласия, нахождение реальных договорных отношений относительно общезначимых проблем, волнующих население Крыма. В этом контексте также следует оценивать и уровень взаимодействия этнических групп и представляющих их интересы этнокультурных организаций с властными

структурами. Однако, как свидетельствуют данные экспертного опроса, хотя в целом 84 % опрошенных позитивно высказываются по поводу текущего состояния дел, очевидны сбои в невысокой интолерантности к националистическим стереотипам, особенно в быту, формализм в анализе и оценке проводимых совместных акций, параллелизм работы по этнокультурному развитию и формированию общероссийской гражданской идентичности автономий (Этническая и этнополитическая карта Крыма, 2017. С. 57).

Внутренняя миграция актуализирует изменения в этнополитическом дискурсе: мигранты, не являясь особой субгруппой, формируют запрос на включение в этнополитический дискурс установок на позитивную толерантность, на принятие российской культуры как основы для развития культур народов Крыма и, самое важное, закрепляют русский язык в качестве семантики этнополитического дискурса. Это важное обстоятельство, связанное, не побоимся сказать, свхождением этнополитического дискурса в регионе в общероссийское пространство, разрывом с украинской националистической риторикой, которая оказывала влияние и на оппозицию, и союзников, внося стимулы вражды и недоверия.

Отмечая безусловность поддержки национально-культурных автономий, объединяющих активное меньшинство, обладающее высоким мобилизационным потенциалом, следует понимать, что перспективное направление в развитии этнополитического дискурса заключается в выработке языка «общих целей», на основе которого внутренняя миграция воспринимается не как угроза коренному населению или тревога для этнических меньшинств относительно отхода от политики этнокультурного развития.

«Новые» крымчане более быстро интегрируются в региональную жизнь, если действуют традиции открытости, толерантности, равных возможностей автономий (Этническая и этнополитическая карта Крыма, 2017. С. 57). Чувство гордости и уважения к историко-культурному наследию Крыма играет важную роль в интеграции приезжих в контексте осовременивания традиций, вложения смыслов и значений, усиливающих консолидирующую роль этнополитического дискурса. Конкретно это выражается в том, что актуален прорыв в позитивной этномобилизации, повышении готовности регионального сообщества к пониманию проблемы внутренней миграции как общероссийской, где этнополитические факторы основываются на опыте государственного строительства и межэтнических отношений в России и вместе с тем формируют зону «самостоятельности и ответственности» переводом эт-

нической мобилизации на конкретное участие народов в решении острых вопросов развития социальной инфраструктуры, экологии, национальной и внутренней безопасности. Такой подход определяет значение не только историко-культурного и туристического бренда Крыма, но и уникального опыта по включению этнополитических факторов в развитие межрегиональных связей.

Заключение

В целом исследование актуальной темы этнополитических факторов внутренней миграции в Крыму убеждает в том, что крымский регион в контексте интеграции в общероссийское региональное пространство характеризуется этническим фактором внутренней миграции, так как есть изменения в этнонациональном составе Крыма, хотя их можно считать незначительными в сложившемся институциональном пространстве (национально-культурные автономии). Актуальные этнополитические отношения характеризуются интересом к освоению и оценке конфликтности и сотрудничества на общероссийском уровне. В этом смысле утрачивают значимость старые обиды и тревоги, определяемые группами «этнического предпринимательства» украинского периода.

Во-первых, как и в целом в России, внутренняя миграция рассматривается в широком, а не в узкоэкономическом значении, так как влияет на цели национальной политики РФ, становление общероссийской идентичности, достижение баланса прав и правил взаимодействия между различными этническими группами. Не внося радикальных изменений в этнический (национальный) состав населения Крыма, миграция влияет на этнополитические факторы, стимулируя освобождение от этноизоляционизма и готовность вне зависимости от этнонационального статуса к переезду в другие регионы России.

Во-вторых, согласимся с выводами ростовских ученых, важной становится выработка этнополитического дискурса совместимости и согласия, норм и правил общественной и приватной жизни, что повышает позитивный вектор этнополитической мобилизации, связанный с укреплением культуры доверия и преодолением травм прошлого в межэтнических отношениях. Внутренняя миграция привносит в крымское сообщество чувство того, что в большой стране не может быть места мелким этническим распрям, что историческая судьба народов Крыма связана с Россией, и претензии построить моноэтническое государство содержат перспективу затяжных гражданских войн, межгосударственных конфликтов и лишают крымчан возможности быть хозяевами в своем доме.

Литература

Абылкаликов С.И., Сушко П.Е. Роль миграции в формировании населения Крыма // Региональные исследования. 2017. № 2 (56). С. 55–62.

Асеева О.Ю. Особенности миграционных процессов Республики Крым // Известия Юго-Западного государственного университета. Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. № 4. С. 160–163.

Батищева Г.А. Исследование внутренней миграции в России // Terra Economicus. 2009. Т. 7, № 2. С. 130–135.

Договор между Российской Федерацией и Украиной о российско-украинской государственной границе. 2003. Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/1653>.

Как изменилась численность населения Крыма за пять лет: данные статистики // РИА «Новости Крым». Режим доступа: <https://crimea.ria.ru/society/20190326/1116305967.html>.

Каракулина Л.Б., Мкртчян Н.В. Внутренняя долговременная миграция населения в России и других странах // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2017. № 2. С. 74–79.

Климов И.А. Социальная мобилизация – морфогенез, структуры и действия // Россия трансформирующаяся. М., 2001.

Курбатов В.И. Нетрадиционные социологические концепции: аналит. обзор. Ростов н/Д., 2014.

Мукомель В.И. Российские дискурсы о миграции: нулевые годы // Россия реформирующаяся: ежегодник. М., 2011. Вып. 10.

Национальная политика в России: возможности имплементации зарубежного опыта. М., 2016. С. 107–108.

Петров В.Н. Этнические миграции в современной России: детерминанты и типология // Социологические исследования. 2009. № 10 (306). С. 48–56.

Расизм, ксенофобия, дискриминация. Как мы их увидели... М., 2013. 384 с.

Савоскул М.С. Адаптация этнических мигрантов в регионах России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2012. № 2. С. 59–63.

References

Abylkalikov, S.I., Sushko, P.E. (2017). The role of migration in the formation of the population of Crimea. *Regional'nyye issledovaniya*, 2 (56), 55-62. (in Russian).

Aseeva, O.Yu. (2014). Features of migration processes in the Republic of Crimea. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment*, 4, 160-163. (in Russian).

Batishcheva, G.A. (2009). Research on internal migration in Russia. *Terra Economicus*, 7, 2, 130-135. (in Russian).

Agreement between the Russian Federation and Ukraine on the Russian-Ukrainian state border. (2003). Available at: <http://kremlin.ru/supplement/1653>. (in Russian).

How the population of Crimea has changed over five years: statistical data. RIA Novosti Crimea. Available at: <https://crimea.ria.ru/society/20190326/1116305967.html>. (in Russian).

Karakulina, L.B., Mkrtychyan, N.V. (2017). Internal long-term migration of the population in Russia and other countries. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya*, 2, 74-79. (in Russian).

Klimov, I.A. (2001). Social mobilization - morphogenesis, structures and actions. *Rossiya transformiruyushchayasya*. Moscow. (in Russian).

Kurbatov, V.I. (2014). Non-traditional sociological concepts. Analytical review. *Rostov-on-Don*. (in Russian).

Mukomel, V.I. (2011). Russian Discourses on Migration: Zero Years. *Rossiya transformiruyushchayasya*. Yearbook. Moscow, 10. (in Russian).

National policy in Russia: opportunities for the implementation of foreign experience. (2016). Moscow, 107-108. (in Russian).

Petrov, V.N. (2009). Ethnic migrations in modern Russia: determinants and typology. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 10 (306), 48-56. (in Russian).

Racism, xenophobia, discrimination. How we saw them... (2013). Moscow. (in Russian).

Savoskul, M.S. (2012). Adaptation of ethnic migrants in the regions of Russia. *Vest-*

Сафаралиев Г.К. Миграционные процессы в России: теория и практика внутренней миграции // Берегиня. 777. Сова. 2014. № 2 (21). С. 145–149.

Столицы и регионы современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя. М., 2018. С. 114–115.

Этническая и этнополитическая карта Крыма. М.: ИЭА РАН, 2017. 216 с.

Lee E. A Theory of Migration // Demography. 1966. № 3. P. 47–57.

Migration Theory: Talking across discipline. In C.B. Brettell, J.F. Hollifield (Eds.). N.Y.; London: Routledge Taylor & Francis Group, 2000.

nik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya, 2, 59-63. (in Russian).

Safaraliev, G.K. (2014). Migration Processes in Russia: Theory and Practice of Internal Migration. *Bereginya*. 777. *Sova*, 2 (21), 145-149. (in Russian).

Capitals and regions of modern Russia: myths and reality fifteen years later. (2018). Moscow, 114-115. (in Russian).

Ethnic and ethnopolitical map of Crimea. (2017). Moscow: IEA RAS. (in Russian).

Lee, E. (1966). A Theory of Migration. *Demography*, 3, 47-57.

Migration Theory: Talking across discipline. (2000). In C.B. Brettell, J.F. Hollifield (Eds.). N.Y.; London: Routledge Taylor & Francis Group.

Поступила в редакцию

27 мая 2020 г.